

УДК 94(470.67)»16/17»

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ С ИРАНОМ И ТУРЦИЕЙ В КОНЦЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

Д. С. Кидирниязов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

В статье на основе анализа архивных материалов и исторической литературы рассматривается Северный Кавказ во внешней политике Ирана, Турции и России в первой половине 30-х гг. XVIII в. В силу своего стратегического положения регион занимал в захватнических планах этих стран особое место. Каждое из соперничавших государств стремилось утвердиться на Кавказе как силой оружия, так и путем дипломатии. В условиях агрессивных устремлений Ирана, Турции и России происходит рост внешнеполитической пророссийской ориентации кавказских народов.

The article, on the basis of archival materials and historical literature, considers the North Caucasus in foreign policies of Iran, Turkey and Russia in the first half of 1730-s. Due to strategic situation the region took the special place in their conquering plans. The three competing states sought approval in the Caucasus both by force and diplomacy. In the conditions of aggressive wishes of Iran, Turkey and Russia there was a growth of pro-Russian orientation in the foreign policy of the Caucasian peoples.

Ключевые слова: Россия; Северный Кавказ; Иран; Турция; крымский хан; политика; дипломатия, Гянджинский договор.

Keywords: Russia; North Caucasus; Iran; Turkey; Crimean khan; policy; diplomacy; the Ganja agreement.

Смерть императора Петра I в 1725 г. означала конец стабильной политической обстановки в стране. Россия вступила в эпоху «дворцовых переворотов». В такой обстановке центральная власть была неустойчивой. Правящим кругам России в тот период было не до кавказских дел. К тому же на содержание армии в прикаспийских областях уходили огромные деньги. Поэтому петербургский двор решил возвратить провинции Прикаспия Ирану [1, с. 356].

Тем временем между Портой и Ираном 12 января 1732 г. в Керманшахе был подписан договор, по которому шах уступил султану Ереван, Тифлис, Ширванскую область вместе с Шемахой и Дагестан [2, с. 151].

В конце 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. положение Ирана стабилизировалось. Османские и афганские оккупанты были изгнаны из страны во многом благодаря полководческому дарованию Надира. Последний, став всемогущим регентом при малолетнем сыне Тахмаспа Аббасе III, 21 января 1732 г. подписал с Россией Рештский договор, а затем возобновил военные действия против османов [3, с. 79].

Рештский мир 1732 г. изменил соотношение сил на Востоке в пользу Персии, что вызвало острое недовольство Стамбула. По подстрекательству Турции крымский хан выступил с притязаниями на Кабарду. Желая создать плацдарм для экспансии крымского хана на Центральном Кавказе, турецкий султан настаивал на провозглашении Кабарды нейтральной территорией. Однако Россия не могла с этим согласиться и представила справку «О Кабардах Большой и Малой, о пребывании их в протекции или же в подданстве Российской империи» [4]. В то же время крымский хан Каплан-Гирей выступил с угрозами «не токмо Кабарду разорить, но и в Россию татар и запорожцев послать», объявляя себя в «состоянии Россию плетью замечать» [5, л. 82, 318 с об.].

Одновременно турки стремились подготовить Сурхай-хана для нападения на Кубу, Дербент и Низовую [6, л. 58–59]. Но эта авантюра не имела успеха. Петербургский двор в качестве превентивных мер летом 1732 г. выдвинул российские войска на Дону и Тереке. Кроме того, Россия взяла Кабарду под свою протекцию. Турецкий султан был вынужден отступить, обещая отправить крымскому хану фирманы не совершать поход на Северный Кавказ [7, с. 69–70].

Однако эти заверения Порты вовсе не означали отказа от своих замыслов в крае. Так, на Северо-Восточном Кавказе Сурхай-хан по-прежнему вел антироссийскую деятельность [8, с. 263].

Тем временем обстановка на Северо-Восточном Кавказе осложнилась. Надир, узурпировавший к этому времени власть в Иране, не признал Керманшахский договор 1732 г. и вел подготовку к масштабной войне против Турции с целью возвращения прежних территорий. Это не могло не вызвать тревоги Стамбула. Так, к крымскому хану был направлен фирман турецкого султана быть готовым к предстоящей войне с персами [9, л. 221].

Командующим турецкими войсками на Кавказе султан назначил Топал-Осман-пашу. В то же время крымский хан вновь развернул энергичную деятельность в регионе с целью восстановить против России местные народы [9, л. 64об.].

Следует отметить, что действия крымского хана, санкционированные Стамбулом, активно подогревались Францией. Барон Тотт, бывший на французской службе, специально был направлен в Бахчисарай с инструкцией из Парижа. Он как военный специалист должен был подготовить корпус крымской кавалерии для похода через Кабарду, Чечню и Дагестан на Южный Кавказ [10, с. 88–89, 92].

К осени 1732 г. положение турок осложнилось. От багдадского правителя Ахмед-паши османский двор был осведомлен, что Надир готовит войну против Порты [10, с. 93]. Для борьбы с персами в 1733 г. султан направляет в Закавказье через Дагестан усиленный корпус, состоявший из кубанских ногайцев, крымских татар и западных черкесов, возглавляемый Фетхи-Гиреем. В конце марта – начале апреля 1733 г. крымский хан от имени османского правителя Махмуда I обратился с воззванием к местным владельцам, склоняя их на свою сторону для содействия проходу крымских войск через Кабарду, Чечню и Дагестан [11, с. 156].

Однако воззвания Фетхи-Гирея не нашли поддержки среди народов региона. Кроме того, «возмутительные» письма крымского хана, адресованные уцмию Ахмед-хану, Айдемиру Эндиреевскому, Хасбулату Тарковскому и др., были вручены ген.-аншефу В.Я. Левашову [7, с. 79–80].

Тем не менее во время похода крымского хана в Дагестан крымцы прошли через земли кабардинских князей баксанской партии, опустошив их. Во многом благодаря принятым мерам В.Я. Левашова кабардинцы не примкнули к войску крымского хана. Ген. Левашов обещал кабардинским князьям прислать на помощь 300 терско-гребенских казаков. Это вдохновило адыгов и более активные военные действия против крымцев [12, с. 165].

Заклучив Багдадский мир в начале 1733 г. с Ираном, турецкий султан стал инициировать поход крымских татар через Дагестан. Понимая, что маршрут движения крымских войск будет проходить через территории, подвластные России, османский правитель послал указ хану Каплан-Гирею «чтоб немедленно послал татар в Персию тем путем, который он вновь усмотрел чрез кавказские горы» [9, л. 227]. Крымскому

хану предписывалось «выступить против персов и привлечь себе горские племена Северного Кавказа от устья Кубани до русской границы и идти к Дербенту» [12, с. 77].

Таким образом, Северный Кавказ снова оказался в орбите интересов России и Порты, став камнем преткновения. При этом Россия, отстаивая свои интересы в регионе, брала под свою протекцию чеченцев, адыгов, дагестанцев и другие местные народы [10, с. 95].

В соответствии с инструкциями петербургского двора русский резидент И.И. Неплюев стремился не допустить прохода крымских войск через владения северокавказских владетелей. В начале марта 1733 г. он представил османскому двору письменное «объявление» о том, что в тех краях «никакого иного пути к проходу нет, кроме лежащего через кабардинские, кумыкские и дагестанские места». На аудиенции у великого визиря И.И. Неплюев заявил, что «все эти места» находятся в подданстве России и «ни один татарин намеренным путем в Персию не дойдет» [13, л. 260].

Одновременно российский посланник отправил донесения генералитету Низового корпуса Людвигу Гессен-Гамбургскому в Кизляр, Д.Ф. Еропкину в Святой Крест и В.Я. Левашову в Гилян, предлагая им привести в боевую готовность российские войска, чтобы в случае приближения крымцев «к кумыкам и прочим горским народам самим с войском выступить и татар ... оружием отвадить яко явных неприятелей» [14, л. 290].

Пока говорила дипломатия, на Северном Кавказе начались военные действия. 4 июня 1733 г. Мустафа Ага, сопровождавший войско крымского хана, обратился с ультиматумом к стоявшему в гребенских городках ген. Д.Ф. Еропкину пропустить крымский корпус [4].

Однако Д.Ф. Еропкин в категорической форме отказал в удовлетворении требования крымской стороны, заявив, что дальнейшее продвижение крымцев будет остановлено с применением силы [15, с. 82]. Опасаясь встречи с главными российскими войсками, крымские татары, форсировав Терек, вышли во владения чеченских владетелей. Чтобы остановить крымские войска, ген. Д.Ф. Еропкин занял позицию у р. Белой, куда прибыл с подкреплением сам главнокомандующий принц Евгений Гессен-Гамбургский. На повторный ультиматум российской стороны прекратить дальнейшее развертывание похода Фетхи-Гирей ответил отказом. 11 июня 1733 г. у с. Горячевской 25-тысячное крымское войско было отбито со значительными потерями русскими. При этом потери крымцев в бою составили до 1 тыс. человек и 12 знамен. После этой неудачи Фетхи-Гирей обратился к чеченским и дагестанским владетелям с призывом «к бунту против России и чтобы они действовали с ним заодно» [16, с. 328]. Калга не поскупился на щедрые подарки местным владетелям, чтобы перетянуть последних на свою сторону. Но подобные акции провалились [10, с. 97–98]. Крымцы остановились в Чечне, чтобы «возмущать» местное население против русских [16, с. 380].

В этот решающий момент главнокомандующий русскими войсками Гессен-Гамбургский проявил себя бездарным полководцем. Против наступавших из Чечни крымцев был отправлен незначительный отряд под командованием полковника Ломана, не сумевший отразить натиск врага. Воспользовавшись успехом, Фетхи-Гирей склонил на свою сторону чеченского владетеля А. Бартыханова и уцмия Ахмед-хана, которые, следуя через Терек, Аксай, Ямансу, Койсу, Тарки, провели «оных крымцов и кубанцов через свои владения за Дербент к Шемахе» [17, л. 114].

От Дербента к крымскому войску присоединились зависимые от уцмия Ахмед-хана местные старшины. Были обласканы калгой и сыновья Сурхай-хана Казикумухского

[18, с. 75]. Однако табасаранские владетели Рустем-кади и Магомед-бек, не присоединились к крымскому калге [19, л. 11].

В июле около Дербента крымские войска были атакованы русскими, нанесящими им значительный урон, но часть корпуса калги Фетхи-Гирея прорвалась через заслон, при помощи Сурхай-хана Казикумухского отбилась от жителей Джаро-Белоканского союза сельских обществ, вторглась в Ширван и там соединилась с османскими войсками на берегу р. Куры [10, с. 125].

В начале сентября 1733 г. в Стамбуле уже получили письма от калги Фетхи-Гирея и Сурхай-хана Казикумухского, в которых они сообщали, что «кавказские горы прошли, с Сурхаем соединились и путь в Персию продолжают» [20, с. 99].

Учитывая обстановку на Кавказе, Россия предприняла ряд мер для стабилизации ситуации в крае после похода крымских войск. Против уцмий Ахмед-хана был послан отряд под командованием полковника Ломана, который занял резиденцию Ахмед-хана Башлы, опустошил и сжег ее [21, с. 79].

В ноябре 1733 г. прибывший на Сулак ген.-аншеф В.Я. Левашов принял срочные меры для приведения в покорность некоторых мятежных местных владетелей, вступивших в союз с крымским калгой. Действуя одновременно тактично и жестко, В.Я. Левашов восстановил спокойствие в Дагестане [22, с. 194].

Тем временем в начале 1735 г. русско-иранские переговоры о возвращении Надиру прикаспийских провинций и части Северного Кавказа шли к концу. Россия, не желая втягиваться одновременно в непосильную войну с Ираном и Турцией, предпочла вывести свои войска из прикаспийских областей с целью превратить Надира из потенциального врага в союзника. 10 марта 1735 г. в Гяндже был подписан мирный трактат между шахским Ираном и Россией, по условиям которого последняя брала на себя обязательство вывести свои войска за р. Сулак и передать Ирану Баку в 2 недели, а Дербент «с уездом и ему подлежащими местами», до старой его границы, в 2 месяца [23, с. 202–207]. Это означало, что прикаспийские области, находившиеся в составе России после Каспийского похода Петра I, отходили от нее и вновь входили в состав Ирана.

Согласно мирному договору 1735 г. российские войска оставили прикаспийские провинции и направились за р. Сулак. В конце мая ген. Д.Ф. Еропкин сдал Дербент вновь назначенному иранским шахом правителю, а сам с русскими полками переместился в крепость Святой Крест. Вскоре уничтожив эту крепость, российские войска переместились в Кизляр. Сюда же были переселены жители многонациональной крепости Святой Крест. Кроме того, на левом берегу Терека между гребенскими казаками и крепостью Кизляр было поселено Аграханское казачье войско. Оно основало городки Каргалиновский, Дубовской и Бороздиновский. Поселенцы этих городков именовались Терским семейным казачьим войском [24, с. 431].

Следует отметить, что с самого своего основания Кизляр (1735 г.) становится административным центром всего Северного Кавказа. В ведении кизлярского коменданта находился и аманатный двор. Взятие аманатов (заложников) от влиятельных северокавказских владетелей входило в сложившуюся в регионе систему взаимоотношений российских властей в крае и местных народов [21, с. 40].

Между тем, султанская Турция, рассматривая Рештский договор 1732 г. как ослабление интереса России к Кавказу, активизировала в регионе агрессивную политику. Султан подталкивал крымского хана к вторжению на Северный Кавказ, подчеркивая, что Кабарда и ряд территорий Северо-Западного Кавказа якобы принадлежат Крыму.

Кроме того, 25 апреля 1735 г. турецкий султан официально объявил себя «покровителем горских народов» [25, л. 13 об.]. Порты стала внушать местным народам, что она избавит их от персидского порабощения. Тем самым турецкий султан пытался привлечь северокавказские народы на свою сторону, чтобы перебросить крупные воинские силы из Крыма через Северный Кавказ на помощь своим войскам, сражавшимся на Южном Кавказе с шахскими войсками.

Крымский хан Каплан-Гирей, активно участвовавший в агрессивных планах Порты, в надежде на поддержку адыгских владетелей кашкатавской партии предупреждал их весной 1735 г., что он вскоре отправится в военную экспедицию в Персию [16, с. 331]. В Дагестане сторонником турецкой ориентации был только кайтагский уцмий Ахмедхан [26, с. 89]. В мае 1735 г. турецкий султан через своего посланника Кади-Халил-агу отправил кайтагскому владетелю алмазную печать, большое количество подарков и жалованные грамоты для подкупа местных владетелей [25, л. 107 с об.].

В конце июля 1735 г. правитель Крымского ханства Каплан-Гирей выступил в поход, надеясь пройти через Северный Кавказ, чтобы оказать помощь турецким войскам в Южном Кавказе. Донской атаман И. Фролов сообщал российскому правительству, что по пути следования к Каплан-Гирею присоединилось 20-тысячное войско аккерманских ногайцев, и далее он писал, что крымский хан намеревается оттуда двинуться в Кабарду [27, с. 431].

По пути следования с Крымского полуострова на Северный Кавказ войско крымского хана опустошали населенные пункты. Архивные материалы свидетельствуют о том, что крымский хан Каплан-Гирей в середине августа в Кабарде «пленил людей, зажигая и пустоша и в разорение приводил все места...» [28, л. 66].

Следует указать, что в фирмане османского султана на имя правителя Крыма предлагалось: срочно выступить в поход на Южный Кавказ, набрать в Дагестане более 60 тыс. войска, путем подкупа местных владетелей отстранить казикумухского владетеля Сурхай-хана от власти [25, л. 107 об.]. Кроме того, в случае противодействия со стороны российских войск крымцам султан приказывал «поступать с ними как с неприятелями и стараться пойти насильно» [10, с. 110].

Российский посланник в Стамбуле И.И. Неплюев, докладывая об этом своему правительству, предлагал принять срочные меры, чтобы сорвать планы Порты и Крыма. Кроме того, И.И. Неплюев, добившись аудиенции у великого визиря Али-паши, заявил, чтобы султанская Турция «на берега Каспийского моря не поставила ноги ... двор его (Российского государства. – Д.К.) никогда татарам прохода через свои области не позволит, а меньше еще согласиться на принятие Портой в подданство дагестанцев» [29, с. 173].

Необходимо отметить, что, выступая в поход, хан Каплан-Гирей решил апеллировать к религиозным чувствам единоверцев – мусульман Северного Кавказа и поднять их на борьбу против России. В этих целях к местным народам были разосланы «призывные письма» [30, с. 220].

Неоднократные вторжения крымцев на территорию Северного Кавказа и вопрос о Кабарде стали одним из непосредственных поводов к российско-османской войне 1735–1739 гг. Главной задачей для России в этой войне было обеспечение безопасности своих южных границ и получение возможности выхода к Черному морю [28, л. 26].

15 июня 1735 г. российское правительство приняло решение о необходимости отражения похода хана Каплан-Гирея на Северный Кавказ [31]. Находившемуся в крае

ген. В.Я. Левашову было дано указание преградить путь крымцам на Кабарду и Дагестан [20, с. 75].

Выполняя указания российского правительства и стремясь удержать местных владельцев на стороне России, ген. В.Я. Левашов стал закреплять их подданнические отношения, подписывая с ними соглашения о взаимной поддержке. Так, до середины 1735 г. кизлярским комендантом В.Я. Левашовым была принята присяга на верность России от владельцев и старшин 30 населенных пунктов Дагестана и Чечни. Кроме того, в заложниках в Кизлярской крепости находилось от Кабарды – 15 человек, Чечни – 2, Аксая и Эндирея – 5. Специальным распоряжением В.Я. Левашова было выдано денежное жалование кумыкским князьям Мехти-беку, Султан-Мураду, Сурхаю и Алишу Хамзину, брагунским мурзам Мураду и Мудару Кучумовым. Всего от адыгских и дагестанских владельцев содержалось аманатами в Кизлярской крепости 22 человека [32, с. 120, 130, 157, 159]. Следует также отметить, что для пресечения сговора кабардинской кашкатавской партии и протурецки настроенных кумыкских владельцев с Каплан-Гиреем в качестве заложников в Астрахань были доставлены сын адыгского князя А. Кайтукина – Арсланко и сын кумыкского князя Алиша Хамзина – Баммат. Кроме того, с той же целью в Кизляре и Астрахани аманатами содержались сыновья адыгских владельцев Татархана Бековича и Басыра Куденетова – Кургоко и Сыбу – Гирей [16, с. 333].

Двигаясь из-под Копыла, в середине августа крымский хан был уже в Кабарде. К исходу августа вся Кабарда была оккупирована крымцами.

Продвигаясь дальше, к началу сентября крымский хан со своим войском подошел к территории Чечни, откуда Каплан-Гирей обратился к чеченским старшинам и князю Айдемиру Бартыханову с призывом поддержать его в военной экспедиции, как они в 1733 г. помогли в походе Фетхи-Гирею. Требования дани и покорности вызвали всеобщее возмущение чеченцев. Даже владелец А. Бартыханов, находившийся раньше в союзе с Крымом, отказался поддержать их. Кроме того, князь Бартыханов присягнул на верность России и, как указывается в архивном документе, «по многим от хана письмам и подзывам не только к нему не поехал и людей не отпустил, но и немалые отгоны людей из войск ханских и другие вредительства показал» [7, с. 233–234, 237, 243]. Таким образом, вайнахи решительно отказались пропустить крымцев через свои земли.

Крымские войска решили вторгнуться на Чеченскую равнину для захвата основных чеченских сел через ущелье Хан-Кала на Сунженском хребте, но ополченцы, стянутые со всей Чечни, закрыли проход и истребили до последнего человека крымские отряды, направленные на прорыв. В ожесточенном бою было убито до 10 тыс. крымцев [8, с. 278]. В память об этой победе чеченцы поставили в ущелье каменную башню «Хан-Кала» (ханская крепость. – *Д.К.*), отчего и само ущелье получило название «Ханкальское» [8, с. 278].

Между тем с помощью проводников крымцам удалось обойти это ущелье и подойти к границам Дагестана.

Обстановка в Дагестане благоприятствовала походу крымских войск. В середине сентября российские войска оставили Сулакскую линию и перешли в левобережье Терека.

В конце сентября в станицу Старогладковскую на Тереке прибыл посланник хана Каплан-Гирея, потребовавший свободного пропуска крымских войск, угрожая, в противном случае, применением силы. Но кизлярский комендант ген. В.Я. Левашов от-

верг предложения крымского хана, хотя и не имел сил для выполнения указаний российского правительства [16, с. 334]. Под командованием кизлярского коменданта против 80 тыс. крымской конницы находились всего 8 тыс. человек. Как известно, основные силы российских войск в это время были переброшены с Кавказа в Крым для участия в российско-османской войне 1735–1739 гг. Поэтому ген. В.Я. Левашов вынужден был пропустить без сопротивления крымские войска, которые двинулись к Дербенту, выше гребенских городков, сел Аксай и Эндирей. В 30 верстах от Дербента произошла ожесточенная битва между войсками крымцев и тарковского шамхала. В ходе сражения войско шамхала Хасбулата было разбито, он был вынужден отступить в горы. Но крымский хан также был вынужден остановиться, получив тревожные вести из Стамбула [26, с. 65]. Дело в том, что в июле 1735 г. иранские войска разгромили турок под Карсом и Ереваном, заставили капитулировать их гарнизоны на Южном Кавказе. Между тем, в октябре 1735 г. российские войска были направлены в сторону Крымского полуострова. Вскоре войска подошли к границе ханства, разбили союзных Крыму ногайцев и расположились на землях запорожских казаков [33, с. 207].

Следует отметить, что из-за погодных условий российские войска не выполнили всех задач, однако следствием этой кампании стало поспешное возвращение хана Каплан-Гирея из похода, совершаемого в Персию, через Северный Кавказ.

Между тем, прежде чем отступить из Северо-Восточного Кавказа, Каплан-Гирей предпринял ряд мер для сохранения в крае влияния Порты и Крыма. Загнав в горы сторонника иранского шаха – тарковского шамхала Хасбулата, крымский хан осыпал ценными подарками других дагестанских владетелей. Кроме того, хан Каплан-Гирей назначил тарковским шамхалом племянника Адиль-Гирея – Эльдара, казикумухского владетеля Сурхай-хана оставил правителем Ширвана, а кайтагского уцмия Ахмед-хана – вали Дербента. Однако эти предпринятые меры крымского хана не играли особой роли. Кроме того, попытка хана Каплан-Гирея на обратном пути «расположиться» в Кабарде также закончилась безуспешно. Правитель Крыма, узнав о решительной позиции российского правительства дальше наступать в глубь Крымского полуострова, пока не будут отозваны крымские войска с Северного Кавказа, вынужден был уйти из Кабарды на Кубань [34, с. 49].

Уход Каплан-Гирея из Северного Кавказа не принес спокойствия местным народам. Наоборот, вторжение крымцев ускорило нападение персидских войск на Дагестан. Опустошив джарские населенные пункты, Ширван, лезгинские и табасаранские села, встречая упорное сопротивление местных жителей и неся большие потери, 21 ноября 1735 г. войска под командованием Надира подошли к Дербенту [10, с. 155–156].

Появление войск Надира у стен Дербентской крепости заставило объединиться дагестанских правителей. Персидскому командованию стало известно, что шамхал Эльдар Тарковский, уцмий Ахмед-хан Кайтагский и Сурхай-хан Казикумухский решили совместно напасть на сторонника Надира Хасбулата в Казанище [35, с. 35].

Персы решили помочь бывшему шамхалу Хасбулату. Объединенное войско Надира и Хасбулата расправилось с военными силами дагестанских владетелей. Необходимо указать, что Надиру удалось облегчить свою задачу благодаря разногласиям между дагестанскими правителями.

Вскоре захватив Акушу, Губден, Кумух и Башлы, оставив часть своих войск в Дербенте, весной 1736 г. Надир с основными воинскими силами возвратился на Мугань, где был коронован шахом на персидский престол [19, с. 128].

Таким образом, важными внешнеполитическими событиями в регионе стали походы крымцев через Северный Кавказ и Дагестан в Южный Кавказ в 1733 г. и 1735 гг. и нашествие Надир Кули-хана на Ширван и Дагестан в 1734 и 1735 гг. С тех пор территория Дагестана превратилась в арену острой борьбы между Россией и Османской империей, с одной стороны, переросшей в российско-османскую войну 1735–1739 гг., и между шахским Ираном и султанской Турцией – с другой. Не улучшил, а наоборот, ухудшил положение и Гянджинский договор 1735 г., вынудивший российское правительство вывести свои войска за р. Сулак и таким путем устранивший препятствия, стоявшие на пути персидской агрессии на Дагестан.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Дагестана : в 4 т. М., 1967. Т. 1. С. 356.
2. Чекулаев Н.Д. Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). Махачкала, 2008. С. 151.
3. Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владетели в освободительной борьбе народов Дагестана против Надир-шаха (1734–1745 гг.) // Вестн. Даг. науч. центра. 2014. № 52. С. 79–83.
4. Юдин П. Мурза Сюнчалей Янглычев // Русский архив. М., 1913. С. 160.
5. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 90/1. Св. 33/в. Стб. 1. Д. 7. 1732 г.
6. АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. Д. 11. 1735 г.
7. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. : в 2 т. М., 1957. Т. 2. 424 с.
8. Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в. Грозный, 2012. 500 с.
9. АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. Д. 8. 1732 г.
10. Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. 225 с.
11. Абдусаламов М.-П.Б., Сотавов М.Н. Кумыкские феодальные владения в политике России на Кавказе в первой трети XVIII в. // Дагестан в российском историческом процессе : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. Году Российской истории. Махачкала, 16 ноября 2012 г. : сб. науч. ст. Махачкала, 2013. С. 145–159.
12. Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. 256 с.
13. АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. Д. 5. 1733 г.
14. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 18. Дербентский комендант. Оп. 1. Д. 168.
15. Сотавов Н.А., Касумов Р.М. Дагестан и Каспий в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара. Махачкала, 2008. 134 с.
16. Сотавов М.Н., Абдусаламов М.-П.Б. Дагестан в период нашествий калги Фетхи-Гирея и хана Каплан-Гирея (1732–1735 гг.) // Материалы Междунар. науч. конф. «Дербент в историческом процессе Кавказа и России», посвящ. 2000-летию г. Дербента. Махачкала, 19 июня 2015 г.). Махачкала, 2015. С. 326–336.
17. АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. Д. 7. 1733 г.
18. Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1994. 222 с.
19. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. 392 с.
20. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958. 244 с.
21. Гарунова Н.Н., Кидирниязов Д.С. Права и полномочия кизлярского коменданта как военного руководителя гарнизона (1725–1800 гг.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. № 7. Пятигорск, 2013. С. 40–46.

22. *Муртазаев А.О.* Кайтагское удмийство в системе политических структур Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 2007. 176 с.
23. Договоры России с Востоком политические и торговые / собр. и изд. *Т. Юзефович.* СПб., 1868. 296 с.
24. История Дагестана : в 2 т. М., 2004. Т. 1. 632 с.
25. АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. Д. 6. 1735 г.
26. *Сатавов М.Н.* Крымское ханство в русско-турецких отношениях в XVIII в. (1700–1783) в свете влияния их на Дагестан. Махачкала, 2010. 168 с.
27. Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 75. 524 с.
28. АВПРИ. Ф. Азиатские дела. Оп. 103. Д. 3. 1724–1735 гг.
29. *Кидирниязов Д.С.* Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середине XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала, 2016. 490 с.
30. *Кидирниязов Д.С., Мусаурова З.К.* Очерки истории ногайцев XV–XVIII вв. Махачкала, 2003. 248 с.
31. *Шульман Е.Б.* О позиции России в конфликте с Турцией в 1735–1736 гг. // Балканский исторический сборник. Вып. 3. Кишинев, 1973. С. 25.
32. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. : в 3 ч. СПб., 1869. Ч. 1. 548 с.
33. *Кидирниязов Д.С.* Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. М., 2011. 456 с.
34. *Маркова О.П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. 323 с.
35. Хроника войн Джары в XVIII столетии. Баку, 1935. 71 с.

Поступила в редакцию 24.12.2016 г.
Принята к печати 28.03.2017 г.